

А. ГАТТИ • П. БАККАЛАРИО

от автора
серии
**КОТЫ-
ДЕТЕКТИВЫ**

КРАСНЫМ

Таинственный
конверт

W BOOKS!

Шпионская семейка

Баккаларио Пьердоменико

Красный. Тайнственный конверт

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.131.1-93
ББК 84(4Ита)-44

Пьердоменико Б.

Красный. Таинственный конверт / Б. Пьердоменико —
«Издательство АСТ», 2019 — (Шпионская семейка)

ISBN 978-5-17-133934-0

Добро пожаловать в уютный особняк семейства Интригио! Здесь, правда, есть секрет, но этот секрет — ложь. Имоджен Интригио унаследовала настоящий талант в математике от своей матери и тягу к искусству от отца. Она подвижная и обожает спорт, невероятно умна даже в том, что её не интересует. Но вот незадача: у неё совершенно нет чувства ритма, слуха и голоса. А кем она хочет быть, когда вырастет? Поп-звездой! Захватывающий детектив от автора популярного цикла «Коты-детективы» Алессандро Гатти и создателя мирового бестселлера «Секретные дневники Улисса Мура» Пьердоменико Баккаларио. Книга также издавалась под названием «Загадка красного конверта» В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.131.1-93

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-133934-0

© Пьердоменико Б., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1	7
2	13
3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Алессандро Гатти,
Пьердоменико Баккаларио
Красный. Таинственный конверт**

© Кац Л., перевод, 2021

© Издательство АСТ, 2021





– Ну и ну! Да ведь эта комната совершенно пуста!

– Ничего подобного, друг мой... Я бы скорее сказал, что она полна исчезающих людей!

Улисс Интригио, «Как я раскрыл знаменитое дело об аметистовом артишоке»

1

Имбирь?

До полуночи оставалось всего несколько минут, когда на деревянном мосту через реку Амстел показалась проворная фигура человека, который тихонько насвистывал себе под нос на ходу. На нём был лёгкий плащ, широкие тёмные брюки и начищенные до блеска ботинки. Насладившись знакомым поскрипыванием выцветшего дерева, он прошёл мимо причальных тумб для швартовки лодок и быстрым шагом направился к дому номер 121. Четыре ступеньки крыльца – и вот он уже стоит перед тёмно-зелёной дверью с двумя отверстиями для почты, непохожими друг на друга: одного из них почти не видно, другое же выкрашено в ярко-жёлтый цвет. Рядом с номером дома на табличке из потемневшей латуни не было ни имени, ни фамилии, ни звонка, но у весёлого ночного посетителя были при себе ключи. Ведь это был Ласло Интригио, и в этом самом доме он жил со своей семьёй.

Ласло достал ключи из кармана, поднёс их к замочной скважине и в то же самое мгновение внезапно замолчал.

Можно было подумать, будто он разглядывает мыски собственных ботинок, но нет. На самом деле он изучал взглядом промежутки, отделявший его сверкающие туфли от входной двери. Это крохотное пространство занимал коврик, лежавший на красивом чёрно-белом мозаичном полу.

– Раз, два и... три! – с некоторым раздражением отсчитал Ласло Интригио, выравнивая коврик так, чтобы между ним и дверью оставалось ровно три ряда мозаичных камушков.

Видимо, кто-то сдвинул его, ведь когда Ласло выходил, коврик лежал на своём месте.

Кто-то его сдвинул, а Тибо, дворецкий, не успел поправить, отметил Ласло, оборачиваясь, чтобы мельком взглянуть на безмятежный полумрак, окутавший канал.

Затем господин Интригио взглянул на свои маленькие элегантные наручные часы, повернул ключ в замочной скважине и вошёл в свой дом, обнаружив, что и там всё тоже погрузилось в блаженную сумеречную дрему. Картины на светло-серой стене, полки с причудливыми предметами со всех частей света, альбомы по искусству, сложенные на сундуке, большое круглое зеркало с рамой из тёмного дерева, маленькая жертвенная статуя Будды, которую Бина ухватила в той безумной поездке в Тибет...

Казалось, всё на месте, но всё-таки было в воздухе и что-то непривычное, и у Ласло от этого сразу защипало в носу.

Имбирь, подумал он. Совсем как основная нота парфюма, который носит Оливер ван Слай III, заклятый враг семьи Интригио. Своего рода ароматическая подпись, подолгу веявшая там, где он вершил свои злодеяния.

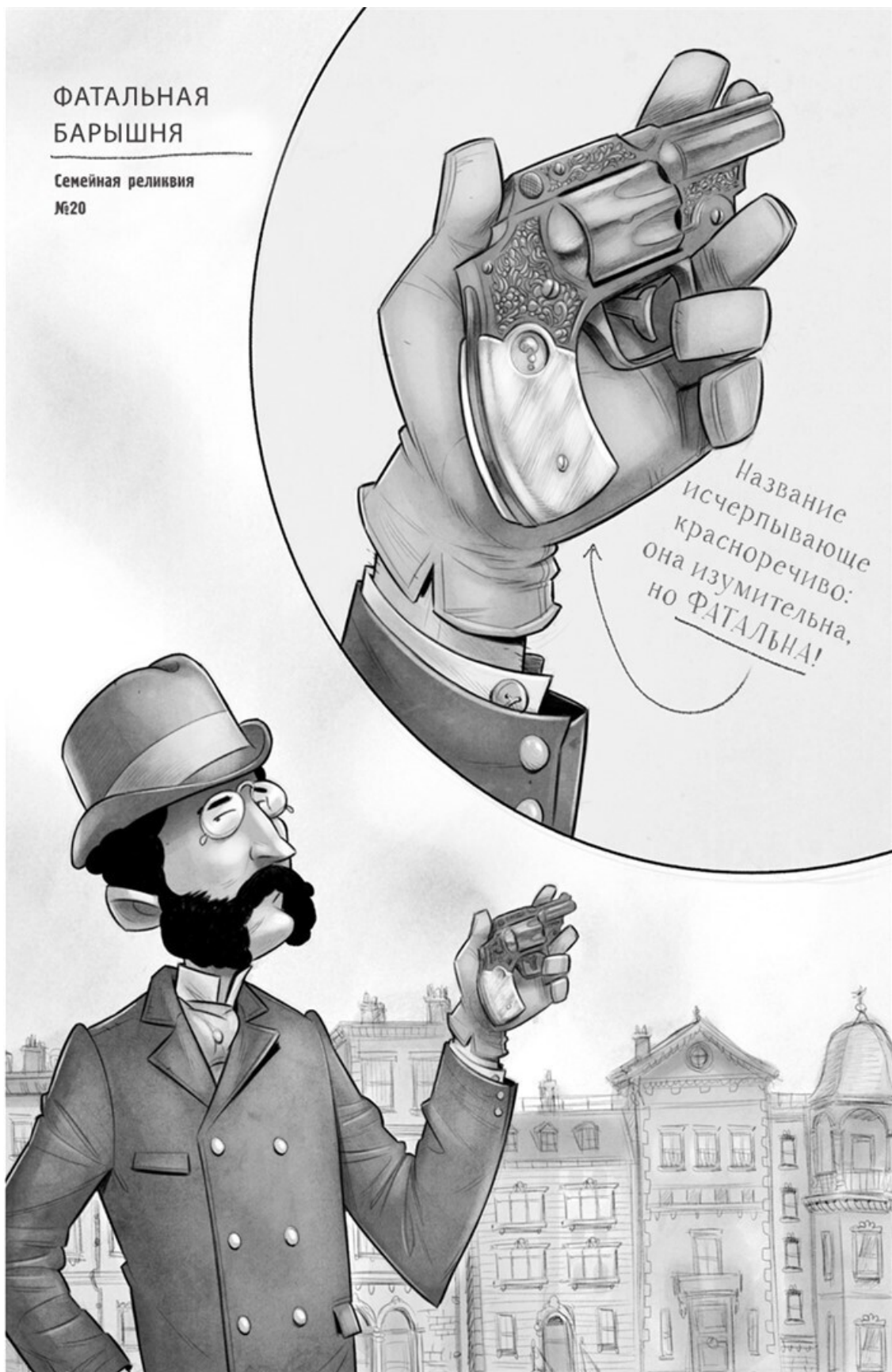
В этот миг долгие годы тренировок мгновенно перевели сознание Ласло в режим повышенной готовности. Он бросил взгляд на раздвижную дверь, за которой обожал исчезать направлявшийся на кухню Тибо, и отодвинул её, но не заметил ничего примечательного; осмотр деревянной лестницы на верхние этажи тоже ничего не дал. А вот в коридоре, ведущем к кабинету Ласло, торшер был сдвинут на несколько сантиметров. И висящий в глубине библиотеки портрет тёти Эдны, неоспоримой главы семьи, тоже оказался чуточку смещён, как будто кто-то заглядывал под него в поисках сейфа. Ласло подошёл к картине на цыпочках, вернул её в привычное положение и несколько раз надавил на некоторые из позолоченных извилистых рамы. Казалось, что он набирает какой-то код на клавиатуре.

Так оно и было: толстая рама портрета тёти Эдны и впрямь служила небольшим сейфом, который открывался при нажатии на несколько замаскированных позолотой кнопок.

Ласло протянул руку и достал из открывшейся сбоку от картины ниши крошечный пистолет с перламутровой рукояткой – Семейную реликвию номер двадцать, ласково прозванную «Фатальной Барышней».

– Ван Слай, ван Слай, не знаю, как же ты сумел проникнуть в дом... Впрочем, есть несколько вариантов... – пробормотал он, стиснув в кулаке Барышню. – Переделся грузчиком? Специалистом по оптоволоконной сети? Сантехником? Но кто же открыл тебе дверь? Имми? Нет... вряд ли она слышала стук в этих своих огромных, как сковородки, наушниках... Но кто же тогда? Дети?

Терзаемый всеми этими вопросами, Ласло дошёл до своего кабинета, где смог убедиться, что ничего не тронут, а затем направился в комнату в глубине коридора, самую дорогую его сердцу: там стоял большой телевизор с изогнутым экраном, а стены были полностью звукоизолированы, так что они с верным слугой Тибо от случая к случаю предавались там футбольному досугу.



– А-га! – пробормотал Ласло.

Здесь не доставало двух вещей: серебряного подноса и стадионной дудки, в которую они с дворецким то и дело дудели, празднуя голы любимых команд.

Широкая улыбка растянула губы Ласло.

– Что ж, похоже, сомнений больше не остаётся. Не знаю, где ты прячешься, дорогой мой Оливер, но ведь именно для такого рода случаев я и приготовил свой исключительный... Чрезвычайный Протокол!

Господин Интригио украдкой подошёл к средневековому доспеху в углу и открыл его. А затем надел – с той же непринуждённостью, с которой любой другой накинул бы халат. Он опустил на прищуренные глаза забрало шлема, включив тем самым спрятанные в нём противогазовые фильтры и прибор ночного видения. И наконец нежно повернул деревянную рукоятку вешалки у входа. Ещё один из множества секретов дома Интригио! В мгновение ока погасли все источники света в доме, включая светодиодные индикаторы бытовых приборов. Двери и окна наглухо запломбировали тяжёлые выдвижные металлические панели.

– Забраться-то ты забрался, дорогой мой ван Слай... а вот как ты теперь выбираться будешь?

Громяхая своими доспехами не без некоторого проворства, сжимая в одной руке Барышню, а в другой – рапиру графов Интригио, Ласло поднялся по лестнице.

В коридоре второго этажа ему показалось, что небольшой японский лакированный столик стоит не совсем на своём привычном месте: раньше он был прямо у двери в комнату тринадцати маятников – главное помещение в доме. То место, куда его враг, по расчётам Ласло, обязательно попытался бы пробраться. Он на мгновение остановился и с сомнением посмотрел вверх – над ним были спальни и мансарда Имоджен.

«Почему никто не вскочил с кровати, как только я запустил Чрезвычайный Протокол?» – задумался он.

Да потому что эта змея ван Слай усыпил всех снотворным – с имбирём, скорее всего, – ответил Ласло сам себе, состроив раздосадованную гримасу.

Он терпеть не мог имбирь, в последнее время ставший настоящей эмблемой самых халтурных фьюжн-ресторанов.

Но больше всего Ласло презирал Оливера ван Слая.

Так что он без малейших колебаний распахнул дверь в комнату тринадцати маятников, где хранились самые ценные Семейные реликвии.

– Ни с места, ван...!

ДУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУ!!!

Фанатская дудка загудела в нескольких сантиметрах от его левого уха. Потом над Ласло прогремел взрыв, и его осыпало разноцветным серпантинном. И наконец из-за стола выскочили четверо:

– С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ!

Тибо держал в руках серебряный поднос, на котором красовался любимый коктейль именинника. На Вине было вечернее платье, а в руках она держала один из тех продолговатых и узких пакетов, внутри которых просто не может быть ничего, кроме шёлковых галстуков. Зельда щёлкала затвором фотоаппарата, желая задокументировать, как её отец ворвался в зал в средневековых доспехах. Маркус всё ещё сжимал в руке пистолет, стреляющий серпантинном, а Имоджен...

– ...ДУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУ!!!

– Имми... – пробормотал оглушённый Ласло. – Не могла бы ты перестать дудеть?

– Не ожидал, пап, а?

– Нет, святые угодники, не ожидал! Да и день рождения у меня послезавтра!

– Мы прекрасно знаем, дорогой. Но не выступи мы немного заранее, ни в жизнь не застали бы тебя врасплох, – ответила ему госпожа Бина.

– Хм, это правда. Не так-то легко обвести вокруг пальца Ласло Интригио! – усмехнулся он. А затем медленно вылез из доспеха, тут же обменяв его на коктейль.

– Тибо...

– Конечно, господин Ласло, – кивнул дворецкий, не дожидаясь дальнейших пояснений. – Я сейчас же пойду и остановлю Чрезвычайный Протокол, пока не запустился Второй Этап... Было бы не особенно приятно, если прямо во время вашего праздника на нас обрушился бы поток быстротвердеющей пены, – учтиво ответил дворецкий семейства Интригио, покидая комнату.

– О, вижу, что наш незаменимый Тибо отключил и микрочипы, отвечающие за управление комнатой... – сказал Ласло, показывая на горящие вопреки Чрезвычайному Протоколу люстры. – Я чуточку предсказуем, не так ли, дорогая? – смущённо пробормотал он.

Но Бина улыбнулась ему.

– Я тоже, не переживай, – ответила она, протягивая ему продолговатый блестящий пакет.

– В предсказуемости есть какой-то элемент заботы, тебе так не кажется?

– Ты права, дорогая моя... Жёлтый? – спросил он, хватая свой подарок.

Бина закусила губу.

– Вообще-то... в этот раз выбирали дети.

Добродушная улыбка Ласло умерла у него на губах от одного взгляда на ужасающий принт с отдалённым намёком на психоделику, красовавшийся на его новом галстуке.

– О, в точности такой, о каком я мечтал! – соврал он, вновь складывая губы в ехидной улыбке. – Сегодня вечером сюрпризы так и сыплются, а? А ведь представителя семьи Интригио так просто не проведёшь!

– Мы целый месяц готовились! – призналась Зельда.

– И несмотря ни на что, тебе удалось вооружиться! – восторженно сказал Маркус.

– И... покрыться бронёй! – добавила Имоджен, бросая взгляд на громоздкий железный скафандр, лежавший на полу.

– Как я вам и говорил, фирменный инстинкт рода Интригио! Как у вашего египетского предка Рашида Эль-Интрига, который выбрал пралине в чёрном шоколаде с ратафией из коробки отравленных конфет.

– Ух ты, и только в ней не было яда? – спросил Маркус.

– Нет-нет, она тоже была отравлена. Но пока старому доброму Рашиду промывали желудок в скорой помощи, он признался, что конфеты вкуснее в жизни не пробовал!

– Ммм, интересно... – откликнулась Зельда.

– Да, но раз уж мы об этом, есть ещё кое-что интересное... – сказал Ласло, наморщив лоб. – Почему мы здесь, в комнате тринадцати маятников? Традиция в этом смысле ясная. Комната должна стоять закрытой всегда, если только в жёлтый ящик для писем не придёт...

– ...жёлтый конверт, конечно. Так он и пришёл! – прервал его Маркус.

– Но самое странное, что на сей раз жёлтый конверт... вовсе не жёлтый, – добавила Зельда.

Ласло вопросительно посмотрел на жену.

– Да, это так. А ещё я думаю, что не тётя Эдна нам его отправила... – подтвердила Бина, показывая ему странный, исключительной элегантности конверт из рисовой бумаги.

– Суп из креветок с имбирём, господа, чтобы перекусить в праздничную полночь... – объявил в эту секунду Тибо, внося из кухни огромную сине-белую фарфоровую супницу. – Традиционный рецепт наньтунских рыбаков, господин, не извольте беспокоиться: ни единой уступки нынешней безалаберности, – добавил он вполголоса, проходя мимо Ласло.

Господин Интригио был вынужден признать, что в аромате этого имбиря, смешанного с запахом креветок, и вправду был некий манящий и аппетитный оттенок. И решил, что зага-

дочную историю конверта неправильного цвета лучше распутывать, сидя за столом с приборами в руках.

2

Как напевают моржи?

– Это действительно необычно... – размышлял господин Интригио, складывая салфетку возле своей тарелки после третьей порции супа из креветок.

Маркус уже дремал, опустив голову на стол, Зельда лакомилась клубникой с мороженым, а Иможен, сложив ноги на стуле, уставилась на экран своего смартфона с не поддающимся расшифровке выражением лица.

– Я имею в виду, что... – продолжал Ласло, – такое уже бывало: какой-то неопытный почтальон по ошибке сунул обычные письма в жёлтую щель, предназначенную для конвертов тёти Эдны, но всякий раз установленные в нём сверхчувствительные сенсоры выплёвывали неправильные конверты обратно.

– А этот конверт, насколько можно судить, полностью соответствует по размерам и весу тем, в которых отправляет свои письма тётя Эдна, – отозвалась Бина.

– Но он не жёлтый, – добавила Зельда.

Ласло ещё немного покрутил конверт в руках, пытаясь оценить его плотность.

– Что это за бумага?

– Китайская, совсем как суп Тибо, на мой взгляд. Ручной работы. Старинная. Ценная. Пурпурный цвет, натуральный краситель. Исключительно изысканная бумага.

– И кто же, по-вашему, стал бы давать себе труд писать нам письмо на старинной китайской бумаге ручной работы?

– Кто-то исключительно изысканный, не иначе. Он знал, что мы оценим это по достоинству.

– Точно, – пробормотал господин Интригио, кладя конверт на стол.

– И? – обратилась к нему Зельда. – Ты что, не станешь его открывать?

Ласло встал из-за стола, подошёл к хрустальным витринам, в которых выставлялись некоторые из семейных реликвий, и, бросив на них беглый взгляд, открыл одну.

– На изысканность всегда отвечают не меньшей изысканностью, воробушек... – сказал он дочери.

И, показав ей изящный костяной нож для бумаг, с помощью которого намеревался открыть конверт, вернулся на своё место за столом, пока Зельда робко пыталась обозначить своё недовольствие манерой обращения отца к дочери, которой давно минуло одиннадцать.

– А главное... – невозмутимо продолжал Ласло, – в случае, если, открыв конверт, мы выпустим наружу какое-нибудь ядовитое вещество, лучше знаменитого Ножа Для Бумаг «Амадей» тёти Освальды Хосе Интригерас ничего не придумаешь. Ах, до чего же невероятная это была женщина...

Ласло как следует вдохнул, придал своему лицу вдохновенное выражение и начал рассказывать одну из своих вечных баек:

– Её называли «Мадам Посол», хотя она ни дня в своей жизни не проработала в посольстве. Но клятву верности она, по своим собственным словам, всё же давала: поклялась всё время быть начеку. Среди шпионов не было равных ей в изворотливости. Например, чтобы избежать отравления, читая меню роскошного ресторана или облизывая почтовую марку, она заказала себе вот это...





Ласло помахал ножом.

Имоджен зевнула, ничуть не стесняясь, а Зельда спросила:

– И как же он работает?

Прежде чем открыть конверт, Ласло провёл ножом по языку.

– Достаточно чуть смочить лезвие слюной и использовать его как обычный нож для бумаг. В рукоятке таится хитроумнейший детектор токсичных веществ, и если на разрезаемой бумаге есть яд, это чудесное приспособление предупредит тебя.

– А почему «Амадей»?

– Потому что тревожный сигнал – это каватина из оперы Моцарта «Так поступают все», – с улыбкой ответила Бина. – В её сюжете упоминается мышьяк...

– Ах, тётя Освальда! Какое изящество, какое чувство юмора! Если бы не тот испорченный хамон, она бы и по сей день наводила шороху по министерствам, посольствам и роскошным казино... – вздохнул Ласло.

– Как бы там ни было, пока что опасаться нам нечего, – добавил он, стряхнув с себя все эти воспоминания. – Конверт не отравлен, как и... это.

Он положил Нож для Бумаг «Амадей» на скатерть и молча прочёл записку, которую только что вынул из конверта.

– Как мы и думали... – наконец пробормотал он.

И нашёл взглядом жену.

– Это он? – спросила Бина.

– Он самый.

Зельда фыркнула.

– Пфф... Не были бы вы так любезны сказать нам, кто же это такой?

Впрочем, оглянувшись, она поняла, что кроме неё слушать уже некому. Маркус спал без задних ног, а Иможден стремительно приближалась к миллионному за вечер тычку в экран своего смартфона. Семейные миссии интересовали её ничуть не больше, чем школа, – более того, школа даже слегка выигрывала, ведь там по крайней мере было несколько ровесниц, с которыми можно поговорить и поделиться множеством мелких подростковых драм, которых никто больше, казалось, не замечал.

Тибо вызвался помочь юному господину Маркусу добраться до своей спальни, но Ласло указал ему на стул, приглашая сесть рядом с ними.

Это было необычно: не считая топовых матчей, дистанция между господином Интригио и его дворецким была твёрдо очерчена незримыми границами службы, но этот вечер, судя по всему, был из числа совершенно особенных.

– Мы, дорогой Тибо, получили приглашение. Угадай-ка, от кого... – сказал Ласло.

– Мистер Ребус, – ответил дворецкий, ни секунды не колеблясь.

– Кто-о-о? – тут же спросила Зельда.

– Ребус, – ответила её мать.

– Ребус в смысле загадка? А откуда вы его знаете?

– Это прозвище человека исключительно изысканного, совсем как эта китайская рисовая бумага, и... – ответил Тибо и прервался, обнаружив, что заговорил раньше, чем господина Интригио. Но поскольку и Бина, и Ласло подали ему знак продолжать, он добавил: – ...и о нём практически ничего не известно, кроме того, что это один из величайших и изобретательнейших преступников всех времён.

– И записка его, как и следовало ожидать, весьма красноречива... – пробормотала Бина, передавая содержимое конверта дочери.

Зельда посмотрела на неё всего секунду и воскликнула:

– Это зашифрованное сообщение!

– Классический мистер Ребус, – вздохнул Ласло. – Но я уверен, что за полчаса мы разберёмся, в чём тут дело. Ты согласна, дорогая?

Госпожа Интригио кивнула и, потягиваясь, встала из-за стола.

– Вы разберётесь, милый. Ты и наш дорогой Тибо! А у нас с Зельдой был длинный день, не правда ли?

Девочка прикусила губу.

– Мам, я вообще-то зашифрованного сообщения никогда не... Оооууу!

Слова Зельды потонули в гигантском зевке.

– Вот-вот, моя дорогая, – сказала Бина, пытаюсь разбудить Маркуса ровно настолько, чтобы он своими ногами дошёл до кровати.

Зельда ещё попыталась поспорить, но второй головокружительный зевок поставил в этом вопросе окончательную точку.

Итак, госпожа Интригио с сонными детьми попрощались с двумя мужчинами, которые тем временем очистили участок стола от тарелок и скатерти, заполнив его фолиантами по математике, скальпелями, линейками, разноцветными счётами и другими причудливыми инструментами, явно готовясь взяться за работу над таинственным зашифрованным сообщением мистера Ребуса.

– Кстати, Тибо... – это были последние слова отца, которые Зельда услышала, поднимаясь к себе в комнату, – мы вчера пробовали неплохой сыр из молока пуатусских коз, его там часом не осталось ли ещё немного?



Проснувшись на следующее утро, Зельда чувствовала себя так, словно всю ночь ворочалась в кровати.

Озадаченно оглядевшись, она заметила, что кровать брата пуста, и выскочила из комнаты, даже не переодевшись из пижамы в дневную одежду.

Маркус стоял на пороге комнаты тринадцати маятников. Со стола так никто и не убрал, да и вообще тут царил ужасающий беспорядок.

– А ещё жалуешься, что тебя до сих пор дурацкими словами называют, – сказал, посмеиваясь, брат, когда она подошла.

– Что?

– Зельда, на тебе розовая пижама с миленькими пони всех цветов радуги!

– Это единороги, а не пони! – ответила сестра.

– Ладно, проехали... Лучше скажи: что здесь случилось, как ты думаешь? Моя версия такая: лев и львица сбежали из цирка и слегка порезвились в нашей комнате тринадцати маятников!

– А вот и нет! Просто папа и господин Тибо пытались расшифровать закодированную записку.

Маркус зевнул.

– О, я смутно помнил что-то такое. Не приснилось, значит...

Они спустились на этаж, и там тоже царил хаос.

В библиотеке поперёк полка висела простыня, испещрённая числами и цифрами. А старая школьная доска двоюродного деда Василия Интриговьева стояла, перегородив коридор. Двери в кабинет Ласло были наглухо закрыты, но оттуда всё равно доносились звуки яростной работы ручек, клавиш и ножниц. А из кухни лился сладкий голос радиоведущей.

– Мама! – воскликнули дети, обернувшись на эти звуки.

Бина как раз готовила завтрак.

– Доброе утро, Зельда. Доброе утро, Маркус.

– Где Тибо и папа?

– А главное... как у них дела с запиской Мистера Ребуса?

– Судя по количеству комнат, перевёрнутых вверх дном... я бы сказала, что дела у них превосходно, – ответила она.

– Ммм... Может, им нужна помощь?

– Я уже предлагала, но ты же знаешь, что бывает с папой и Тибо, когда они пускаются в своё очередное великое приключение... Для них это своя история, и больше ничья, – ответила Бина с улыбкой.

Зельда фыркнула и запрыгнула на кухонную табуретку.

– Ну да... Остаётся только надеяться, что в этот раз будет не так, как с расследованием о русской подлодке-призраке.

– У, точно! – эхом откликнулся брат. – Гостиная три дня была запретной зоной!

– Да ладно вам, главное же результат, не так ли? – ответила госпожа Интригио, протягивая детям коробку хлопьев и кувшин молока. – Советую вам как следует позавтракать и набраться терпения. А ещё – не прокатиться ли нам на великах?

– Да! Солнце сегодня необыкновенное, – поддержал Маркус, окуная ложку в миску.

– Ладно... Если мы дадим жару и доедем до Берлина, может, к нашему возвращению папа и Тибо расшифруют этот код, – с ухмылкой сказала Зельда.

На сей раз даже мама Бина не смогла удержаться от хохота.

Чуть позже Имоджен тоже почтила своим присутствием кухню – из-под её огромной синей толстовки с капюшоном торчали голые коленки. Бина настояла, чтобы дочь поздоровалась с остальными как следует, а не мыча что-то нечленораздельное, и спросила, не хочет ли она присоединиться к велопрогулке.

– Пфф... Я устала, ма. Можно я дома посижу? – ответила девочка, гоня свои хлопья ложкой.

– С этой парочкой одержимых, которые бьются над своим шифром?!? – воскликнула Бина. – Делай как хочешь, Имми. Только потом не жалуйся. И отцу скажи. Мы выдвигаемся сразу после завтрака.

– И после того, как Зельда снимет эту жуть единороговую! – добавил Маркус.

Итак, Имоджен осталась дома: мысль о том, чтобы отправиться на прогулку в такой бесстыдно солнечный день, была ей противна. Завтракала она целую вечность, хоть почти ничего не съела: мысли были заняты тысячами проблем, которые могут испортить карьеру поп-музыканта. То немаловажное обстоятельство, что карьеру поп-музыканта она пока даже не начала, никак ей при этом не мешало.

Девочка вздохнула, соскочила с табуретки, перемыла всё, что было в раковине, потянулась и дошла до гостиной. Там она задержалась, разглядывая километры слов, греческих букв и алгебраических символов, пестревших на разбросанных повсюду больших листах бумаги. Имоджен показалось, будто она кое-что заметила. Будучи перворазрядной бездельницей в школе, она всё же несомненно унаследовала от мамы острый нюх в вопросах математики и тому подобных вещах. Так что девочка постучалась в дверь папиного кабинета и, не дождав ответа, приоткрыла её ровно настолько, чтобы туда можно было заглянуть. В комнате стоял классический выразительный запах, который появляется, когда двое мужчин запираются в комнате на целую ночь без сна.

Глаза у них налились кровью, на подбородках выступила щетина, а ноги распухли в ботинках, снять которые воспрещал этикет. Мигал экран старого компьютера Ласло, а на сте-

нах висели такие же большие листы бумаги, каждый со своим набором букв и цифр. Имоджен присмотрелась и увидела, что и в них кое-что не сходится.

– Па, привет, – сказала она, продолжая разглядывать каскады символов, чисел и линий, начертанных на бумаге.

– Привет, дорогая, привет... – ответил он глухим и отсутствующим голосом.

– Мама, Маркус и Зельда поехали кататься на великах. А я останусь дома, ладно?

Ласло кивнул, вежливо попрощавшись с ней движением руки и не отрывая глаз от огромного фолианта, которому на вид было не меньше двухсот лет.

– Па, как там ваша расшифровка? – простодушно спросила Имоджен.

– Что, прости?

– Шифр. Я спросила, как у вас дела.

– А... ну, это ужасно сложная история, – вздохнул отец. – Мистер Ребус – человек изощрённейшего ума...

– Вы себе не представляете, синьорина Имоджен... – вступил в разговор Тибо, смотря на неё поверх очков, сдвинутых на кончик носа. – Но теперь господин Интригио и я наконец-то вышли на след, который приведёт нас к решению.

– Вот как? – сказала Имоджен.

– А то как же! – поспешил подтвердить её отец, указывая на один из висящих на стенах листов. – Видишь... мы пришли к выводу, что перед нами комбинация каббалистических преобразований и одно из частных применений теоремы Фурценхайма-Хольцкопфа...

– Ого... и что же у вас выходит?

– Мы провели все необходимые операции и увидели, как проступает новое послание из слов на разных языках, в переводе оно звучит так...

Тут Ласло показал на доску, стоявшую перед Тибо, который немедленно прочёл:

– Восемь кобальтовых моржей нечётно напевают в Майнце!

– Нечётно, значит... – повторила Имоджен, уставившись на доску.

– Именно! – кивнул Ласло, и глаза его загорелись, несмотря на усталость. – Мы с Тибо думаем, что это ключ ко всей загадке.

– Конечно, синьорина Имоджен... – столь же воодушевлённо откликнулся дворецкий. – Видите ли, моржей восемь, то есть чётное количество, но поют-то они нечётно. Вот так тайна! Не говоря уж о том, что нам ещё кучу слов нужно расшифровать.

– Понимаю... – сказала Имоджен и сжала губы. – А что если... попробовать код Перепрыжки?

Услышав эти слова, Ласло закрыл глаза и не смог удержаться от смеха.

– Имми, я ценю, что ты хочешь нам помочь, но... хи-хи-хи... это же дьявольский мистер Ребус... речь о чудовищно сложных вещах...

– Ну и пожалуйста! Вы с мамой вечно пристаёте, что я не участвую в семейных делах, а теперь... – проворчала девочка.

И сунула кулаки поглубже в карманы толстовки, резко повернувшись к выходу.

Ласло внезапно вскочил на ноги, отчего его колени зловеще заскрипели, и поймал дочь за руку.

– Прости, Имми, ты права... – сказал он с отцовским добродушием. – Ничто не мешает нам рассмотреть и твою гипотезу тоже, не так ли, Тибо?

– Разумеется, – кивнул дворецкий.

Но улыбочки на лицах обоих взбесили девочку ещё сильнее; она схватила записку мистера Ребуса, блокнот и шариковую ручку, рухнула в кресло и принялась расшифровывать непостижимое послание, больше похожее на салат из случайно попавшихся под руку букв. Чтобы разобраться в нём, она прибегла к коду Перепрыжки, который знают и любят в начальных школах всего мира. Первую букву она заменила на ту, что идёт прямо перед ней в алфавите

– в данном случае «И». Затем перешла ко второй, заменив её на ту, что идёт после – «С», – и так далее, пока буквы в записке не кончились.

Меньше чем за десять минут Имоджен закончила расшифровку.

– Ну что, дорогая, что у тебя получилось? – спросил Ласло, справившись с никак не кончавшимся зевком.

Имоджен посмотрела на страницу блокнота и начала читать.

«Господа Интригио приглашаются в воскресенье, восемнадцатого сентября, в двенадцать часов, в усадьбу Беля-Трикасс близ Экс-ан-Прованса. В случае если настоящее приглашение будет отклонено, мы возьмём на себя труд направить в средства массовой информации фотоснимки, документирующие прискорбные события на Рю-де-Помпельм, а также ваш нынешний адрес.

Мистер Ребус»

Когда она закончила читать, малейшая тень улыбки сошла с лиц Ласло и Тибо, и её место заняло ошеломлённо-испуганное выражение.

Что же до Имоджен, то для неё настал момент маленького реванша.

– Ну, это, конечно, не моржи из Майнца... но тоже неплохо, не так ли? – усмехнулась она.

3

Нам точно сюда?

Судьбоносное вмешательство Имоджен пролило свет сразу на несколько вещей. Во-первых, стало ясно, что послание мистера Ребуса – это одновременно любезное приглашение и отвратительный шантаж. Кроме того, стало очевидно, что в следующие полгода Имоджен сможет ходить на любые поп-, трэп- и хип-хоп концерты по своему усмотрению, зная, что билет ей будет оплачен, а спутником выступит милый папочка или, в его отсутствие, старый добрый Тибо. Такова была цена, о которой Ласло и дворецкий договорились с тинейджером дома Интригио, чтобы добиться её молчания касательно способа расшифровки послания мистера Ребуса.

А вот «прискорбные события на Рю-де-Помпельм», о которых шла речь в записке, остались окутаны мраком.

– Крошечная ошибка прошлого... правда, ФБР и Интерпол очень негодовали. Поди их пойми... – вот и всё, что Зельде и Маркусу удалось вытянуть из отца своими настойчивыми расспросами.

– Мы с папой в то время были ещё очень молоды, – не менее лаконично высказалась Бина. На том разговор и иссяк, и возобновить его не было ни малейшего шанса.

Так или иначе, через два дня после расшифровки послания древняя семейная легковушка-универсал, которую молодое поколение называло «старой развалюхой», тихо ехала по дороге, проложенной посреди нежных пейзажей французского юга.

– Ах, Прованс! Чувствуете, как воздух благоухает? – спрашивала Бина, сидевшая за рулём, опустив окно.

Это чувствовали все.

Они переночевали в Лионе и проехали ещё один участок шоссе, а затем углубились в поля по всё более узким просёлочным дорогам: одна деревенька, потом другая, – они тоже всё время уменьшались, – и вот уже их окружали пастбища, лавандовые поля, рощицы, ручейки и каменные дома, купающиеся в зелени.

Ласло высунул руку из окна и время от времени делал вид, что срывает торчащий из канавы цветок. Маркус принялся считать пасущихся лошадей, Имоджен ворчала, что лучше бы её оставили дома, а Зельда, балансируя на самом краю сиденья, следила, как синяя точка скачет по карте на экране планшета.

– Направо, – скомандовала она вдруг.

Бина повернула, и под колёсами зашуршала галька.

Тогда Зельда положила чехол с планшетом на коленки и откинулась на спинку сиденья между братом и сестрой.

– Ты уверена, что нам сюда? – спросил её Маркус.

– Дальше карта молчит, – ответила девочка. – Там отмечен выезд на просёлочную, а потом... красивый голубой прямоугольник.

– Это, наверное, большой бассейн! – весело воскликнул Ласло.

– Я сильно сомневаюсь, – донёсся сзади голос Имоджен.

– Вы тоже слышите этот шум? – громко спросил Маркус.

– Это цикады, – ответила Зельда.

И в самом деле, сейчас, когда старая легковушка ехала не быстрее человеческого шага и шум её мотора превратился в еле слышное бормотание, из окон доносился оглушительный концерт насекомых.

– Да нет, не этот... – озадаченно сказал Маркус.

– Какой же тогда?

Маркус сделал странное лицо, как бы давая понять, что он, наверное, ошибся или больше не слышал этот шум, откуда бы он ни доносился.

– Похоже, приехали, семейство... – объявила Бина.

Дорога из белой гальки поворачивала направо, следуя за назойливой благоухающей изгородью, и шла к высоким воротам, которые стояли открытыми. По ту сторону виднелась липовая аллея, длинные ветви деревьев пестрели листьями. А в глубине аллеи стоял дом.

Они посмотрели на него, и каждый принялся изучать дом по-своему, не говоря ни слова. Это был большой старый особняк в несколько этажей с оштукатуренными вставками на каменных стенах, увитой диким виноградом башенкой и – с противоположной стороны – террасой на втором этаже, где виднелось несколько больших белых пляжных зонтов. Ставни на арочных окнах были выкрашены в изящный тёмно-зелёный цвет бутылочного стекла. А большие, пузатые терракотовые вазы подмигивали гостям из сада.

Подождав, пока Бина выедет на площадку перед домом, члены семьи Интригио вышли из машины. Было очень жарко, вокруг неистовствовали цикады. Посреди площадки стоял старинный круглый фонтан; он не работал и превратился в декоративный бассейн, заполненный тёмной водой, в которой лениво плавали несколько гигантских карпов.

Их машина оказалась не единственной: рядом стояли припаркованными ещё две.

Маркус размял руки и зевнул от души, лениво разглядывая рваные следы, оставленные в небе самолётами, а его сестра Зельда сосредоточилась на двух автомобилях, стоявших на покрытой галькой площадке.

– Что там говорит твоя дедукция, мой маленький гений? – спросил папа Ласло, взъерошив ей волосы.

– О, массу всего, папуля, – ответила она. – Одна из машин английская, потому что у неё правый руль и жёлтый номер. А вторую, думаю, арендовали в аэропорту Ниццы: на ней наклейка автопрокатной компании. И ещё, если как следует присмотреться к бороздам, оставшимся на гальке вокруг фонтана, кажется, что здесь была по меньшей мере ещё одна машина, только она уехала. – Она посмотрела на Ласло. – Может быть, такси? Ты что-нибудь ещё заметил?

Тот поправил галстук и придал своему лицу в должной мере довольное и изумлённое выражение.

– Всего одну вещь, по правде говоря, – сказал он и указал на господина в бежевом плаще, который как раз выходил из английского автомобиля.

– Добрый день, приятного вам воскресенья! – начал беседу господин, протягивая им руку.

– Бина Интригио, очень приятно, – первой ответила Бина, пожимая её.

– Счастлив познакомиться. Уильям Уолкер.

– Хм... Вы ведь секретный агент МИ-6, не так ли? – спросил Маркус, когда очередь дошла до него. – Я вас по одежде узнал.

– Ой-ой! – ответил господин Уолкер, облизав усы. – Неужто я настолько предсказуем?

– Не знаю, – ответил Маркус. – Но я только что прочёл книгу под названием «Как распознать секретного агента», и там в главе про англичан на фотографиях были типы, одетые в точности как вы.

Мужчина попытался рассмеяться. Он сунул руку под летний пиджак и спросил:

– А что у меня в этом кармане, в твоей книге тоже написано?

– Это скажу вам я: конфеты из Флавињи! – ответила Бина. – Англичанину, приезжающему в Прованс, перед ними просто не устоять.

Мужчина немного замялся и обозначил ещё более натужный смешок.

– Ха-ха-ха... Попался! – сказал он, кладя на место коробочку с конфетами. А потом решил, что пора сменить тему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.